

Н. Долинина

Князь и княгиня

С той минуты, как князь Андрей Болконский вошел в гостиную Анны Павловны Шерер, он привлек мое внимание — чем? Своей непохожестью на остальных. «Ему, видимо, все бывшие в гостиной не только были знакомы, но уж надоели ему так, что и смотреть на них, и слушать их ему было очень скучно». Всем остальным интересно в этой гостиной, потому что здесь, в этих разговорах, сплетнях, восклицаниях, вся их жизнь. И для жены князя Андрея, прелестной маленькой женщины, здесь — вся жизнь. А для князя Андрея?

«Из всех же прискучивших ему лиц лицо его хорошенькой жены, казалось, больше всех ему надоело. С гримасой, портившею его красивое лицо, он отвернулся от нее». И — через несколько минут, когда она обратилась к нему кокетливым тоном, — снова «зажмурился и отвернулся».

Сухой, надменный, неприятный человек — таким знают его гости Шерер. Таким впервые видим его и мы. Но что-то уже привлекло нас к нему — и хочется понять: неужели князь Болконский всегда, со всеми так сух и неприветлив?

После вечера у Шерер Болконские вернутся в свою богато отделанную квартиру, где все «носило на себе тот особенный отпечаток новизны, который бывает в хозяйстве молодых супругов». Но и дома князь Андрей не станет ласковее с женой.

«Твой доктор велит тебе раньше ложиться, — сказал князь Андрей. — Ты бы шла спать».

Когда она вошла в его кабинет, он *учтиво* подвинул ей кресло. Потом, выслушав несколько ее фраз, «с холодной *учтивостью*... обратился к жене». И, наконец, добившись, чтобы она ушла, встал и «*учтиво*, как у посторонней», поцеловал руку.

За что? Почему он так холоден, так внутренне груб с женой — при всей внешней *учтивости*, трижды замеченной Толстым?

Мы ничего не знаем об истории этого брака, но легко можем представить себе, как все было. Вечера в светских гостиных и балы в блестящих залах — князь Андрей ездил на них, потому что надо же куда-то ездить и, кроме того, вся жизнь знатного Петербурга проходит здесь; он танцевал с женщинами, потому что на бале нужно танцевать (так он сам скажет позднее), и женился потому, что нужно же когда-нибудь жениться, а девушка была хорошенькая и веселая, ее приподнятая верхняя губка казалась «ее особенною, собственно ее красотой...» Он женился на прелестной девушке — и она вышла замуж за красивого, блестящего, богатого и знатного человека; кого винить в том, что этот брак обернулся горечью и страданиями для обоих?

В гостиной Шерер «всем было весело смотреть на эту полную здоровья и живости хорошенькую будущую мать, так легко переносившую свое положение», и мы не сразу понимаем, что раздражает князя Андрея. Но дома, войдя в кабинет мужа, княгиня продолжает «тем же кокетливым тоном, каким она обращалась и к посторонним»:

«— Отчего, я часто думаю... отчего Анет не вышла замуж? Как вы все глупы, mes-sieurs, что на ней не женились...»

Она говорит это своему мужу и двадцатилетнему Пьеру — о сорокалетней Анне Павловне Шерер. Кто из них должен был жениться на Анне Павловне?!

Князю Андрею опостылел этот кокетливый тон, эта легкая болтовня, это нежелание задумываться над своими словами — но ведь раньше, совсем недавно ему все это нравилось!

Как и всякая женщина, маленькая княгиня не может понять, что ее очарование уже не производит впечатления. Она ведь не изменилась, она всегда была такой. Почему же Андрей больше не восхищается ею?

Она по-своему заботится о муже: «Я ему все говорю: здесь он адъютант у дяди, самое блестящее положение... Он так везде принят. Он очень легко может быть и флигель-адъютантом... Мы с Анет говорили, это очень легко было бы устроить...»

Удивительно: мы, едва знакомые с князем Андреем, видевшие его совсем недолго в гостиной Шерер, уже поняли: этот тон и этот разговор невыносимы для него, глубоко ему отвратительны — а она, его жена, не понимает этого. Но ведь искренне не понимает и страдает от своего непонимания:

«Вдруг сердитое беличье выражение красивого личика княгини заменилось привлекательным и возбуждающим состраданием выражением страха; она исподлобья взглянула своими прекрасными глазками на мужа, и на лице ее показалось то робкое и признающееся выражение, какое бывает у собаки, быстро, но слабо помахивающей опущенным хвостом».

Легче легкого осудить, княгиню: глупа, легкомысленна, труслива... Но как случилось, что умный взрослый человек — не мальчик! — женился на ней? Что привлекло его раньше и почему теперь каждый шаг жены раздражает его? Что же ему теперь делать, раз она стала его женой и ждет ребенка? Разве это благородно — ежеминутно унижать ее учтивой холодностью, нескрываемым раздражением?

Вовсе непросто решить все эти вопросы. Толстой знает: никто не виноват в том, как сложилась жизнь молодой семьи Болконских, — и оба виноваты, и никто не может изменить того, что случилось, потому что отношения двух людей легко разрешимы только со стороны, а изнутри все сложно,

«Я иду потому, что эта жизнь, которую я веду здесь, эта жизнь — не по мне!»

Так ответил князь Андрей на вопрос, зачем он идет на войну. «Гостиные, сплетни, балы, тщеславие, ничтожество — вот заколдованный круг, из которого я не могу выйти. Я теперь отправляюсь на войну, на величайшую войну, какая только бывала, а я ничего не знаю и никуда не гожусь».

Вот почему мы прощаем князю Андрею его обращение с женой — потому что видим: он мучается, несчастлив, страдает, судит себя, потому что жизнь, которую он ведет, не по нему!

Через несколько недель князь Андрей привезет жену туда, где он вырос, в тот воздух, который сформировал его.

В старом доме Болконских в Лысых Горах столкнутся два мира: в одном из них будут жена князя Андрея и лживая француженка мамзель Бурьен; в другом — старик Болконский и князь Андрей. Сестра его, княжна Марья, попытается примирить эти два мира, но они непримиримы — и душой княжна Марья все равно останется с отцом и братом.

Вот молодые Болконские входят в дом отца. Маленькая княгиня поспешно идет к княжне Марье. Андрей с «учтивым и грустным выражением» следует за ней. У самой двери он «остановился и поморщился, как будто ожидая чего-то неприятного». Он знает наперед, что сейчас будет сцена радостной встречи, хотя его жена и сестра виделись только один раз, во время его свадьбы; знает, что для сестры эта встреча и правда радость в ее одинокой, замкнутой жизни, а жена будет так же искусственно весела, как в светских гостиных и его кабинете, потому что естественной он ее не видел никогда.

И действительно, после поцелуев и объятий княгиня весело и оживленно заговорила о петербургских сплетнях, о своих платьях и между всем этим — о том, что Андрей переменялся, покидает ее, идет на войну...

Конечно, она страдает, конечно, боится за Андрея — и еще больше за себя: пустой и темной представляется ей жизнь в деревне. Но и страдание ее выражается в привычной

неестественной и даже кокетливой форме. Виновата ли она, что так незначительна по своей человеческой сущности? Вероятно, все-таки виновата: ведь рядом с ней — князь Андрей, как же ничему, совсем уж ничему у него не научиться? Не хочет она учиться, потому что довольна собой, ослеплена собой, и мысли у нее не может возникнуть, что князь Андрей искал в ней не того, чем восхищаются Ипполит Курагин и Анна Павловна Шерер...

За обедом, в присутствии старого князя, она опять привычно, естественно неестественна: бедняжка привыкла, что ее болтовня очаровывает слушателей, где ей понять, какое впечатление она произведет на старого Болконского, если она и Андрея-то не понимает! Маленький светский ум ее не в силах постичь двух крупных людей, с которыми свела ее судьба; в этом доме ей кажется родной только насквозь фальшивая мамзель Бурьен.

В том мире, где живет маленькая княгиня, нужно приходиться в восторг от встречи с полупознакомыми людьми и можно жаловаться им на самого близкого человека — мужа. В мире князя Андрея этого нельзя.

Встреча молодых Болконских с отцом и сестрой князя Андрея происходила почти сто семьдесят лет назад, но и сегодня нам важно знать, как быть честным в отношениях с близкими, как сохранять свое достоинство. Правила, по которым живет князь Андрей, возвышенны и благородны: человек не имеет права опускаться до жалоб на того, кого сам избрал спутником своей жизни. Мир маленькой княгини — узкий и пошлый — не знает этих правил чести.

Князь Андрей откровенен с сестрой, но и ей он не откроет горькой правды:

«Знай одно, Маша, я ни в чем не могу упрекнуть, не упрекал и никогда не упрекну мою жену... Но если ты хочешь знать правду... хочешь знать, счастлив ли я? Нет. Счастлива ли она? Нет. Отчего это? Не знаю...»

Мне не жалко маленькую княгиню — ничего не могу с собой поделать. Меня, как и князя Андрея, раздражает ее болтовня, ее хорошенькое личико с животным выражением — то беличьим, то собачьим; мне не жалко, когда муж почти выгоняет ее из своего кабинета и когда оставляет в Лысых Горах, и позже, когда она умрет, я больше пожалею его, чем ее. Потому не жалко, что очень уж она довольна собой. Всегда, везде довольна собой. Он мучается, казнит себя, думает, ищет — у нее все решено, все ясно.

Так с первых глав «Войны и мира» я, читатель, заражаюсь отношением Толстого к его героям. Вместе с ним я презираю людей, которые не ищут, не мучаются, вместе с ним сочувствую тем, кого понимает и любит он.